

ON METHOD, RESEARCH, AND TRUTH

La méthode est nécessaire pour la recherche de la vérité.

René Descartes

We need a method if we are to investigate the truth of things.

René Descartes

This quote from Descartes' treatise *Rules for the Direction of the Mind* offers a concise algorithm for scientific research, understandable to everyone professionally involved in science, research as a process, a goal, and a tool. 'Investigation', that is, research itself, aimed at achieving the truth (or, let us say more modestly, finding new knowledge that might bring us closer to the truth), is impossible without a method, a certain approach that allows us to achieve our goal.

We have dared to disturb the shadow of the great thinker to formulate a title that looks rather pretentious if understood literally for a simple reason; the current issue of *Quaestio Rossica* introduces a new section, *Modi studiorum* (or "Methods of research/study"). Every innovation requires an explanation; hence we are summoning Descartes, shifting the presentation scheme familiar to readers usually built around the central *Problema voluminis* section. Such recentring, however, does not necessarily require changing the order of our presentation; after all, 'the circumference is nowhere, and the center is everywhere' [Шолю, с. 604]. Therefore, we will leave methods and truth alone for the moment and present the central section of this issue.

The *Problema voluminis* section is centred on an important problem of keen interest to Russian historical science, namely various aspects of Russo-German relations through the lens of diasporas. The German diaspora is considered in the imperial and the post-Soviet periods, as well as in modern united Germany, while the Russian diaspora is examined in the GDR and traced through the trials associated with the collapse of the Eastern Bloc.

The section opens with an article by *Andrei Keller* (Yekaterinburg, Russia), which presents a critical rethinking of the history of craft guilds from the eighteenth to the early twentieth centuries. Looking at the resolution of the guild conflicts of German bakers in St Petersburg in the 1830s and 1840s, the author shows the circumstances of persisting multiculturalism and multilingualism in everyday communications. Analysing the mechanisms of competition and conflict resolution, the article concludes that it is not necessary to exaggerate the role of "guild conflicts", which served in fact

as a mechanism for resolving disputes in the complex ethno-confessional structure of the St Petersburg crafts community, demonstrating both the intense competition and vitality of the guilds, as expressed in the active position of masters when defending their interests.

Looking at the state-administered German colonies in Russia in the second half of the nineteenth century, *Galina Sinko*, *Vladimir Shaidurov* (St Petersburg, Russia), and *Asiyat Guseynova* (Makhachkala, Russia) show significant changes in the status of German colonists. A comparative analysis of the legal status of settlers in the Charter on Colonies of 1857 and the Rules on the Arrangement of Settler Owners of 1871 helps the authors to show the evolution of the settlers' status, namely, how and for what reasons the Russian government gradually abolished the exclusive rights and privileges of this category of German subjects.

The work of *Olga Filipenko* (Novosibirsk, Russia) discusses the flight of deported Russian and Eastern European Germans from Soviet special settlements between 1946 and 1955. The author comes to the conclusion that following the decree of 26 November 1948, the gulag regime of control and punishment in cases of escape became tougher. The analysis of the three key components of escape – its goals, means, and sanctions – allow the author to analyse this behaviour in a differentiated and balanced way, concluding that it was not so much a form of protest as a means for potentially improving one's situation in exile.

Maik Hoops (Osnabrück, Germany) and *Jannis Panagiotidis* (Vienna, Austria) touch on the ambivalent experience of second-generation immigrants of Russian-German origin in Germany and the difficult situation with their identity. Comparing the two generations of repatriates, the authors note the double exclusion experienced by the first generation (labelled in Russia as “non-Russians” and as “Russians” in Germany) and the peculiar adaptations of the second generation, who as a whole are perceived by the surrounding society as Germans. This, however, does not prevent the latter from manifesting some positive self-identification as “Russians”.

The article by *Gunnar Thorvaldsen* (Tromsø, Norway / Yekaterinburg, Russia) delineates the fate of more than 140,000 people born in the families of Soviet troops stationed in East Germany from the end of WWII to 1994 who ended up in Russia after the withdrawal. Within the framework of this research, it is possible to establish the resettlement territories of Russians born in Germany at the beginning of the twenty-first century, as well as to discover the relative success of immigrants from Germany in adapting to the Russian labour and marriage markets. Their cross-cultural experience, education, and pre-existing social ties has led to an increase in ‘human capital’ in the territories of resettlement.

To a certain extent, some materials from the *Origines* section also cover the central topic of the issue. But while the above articles discuss collective adaptation strategies, the main actors in these newly published sources are individual representatives of the German nation who successfully

integrated into the political and intellectual elite of the Russian Empire, even going on to play outstanding roles in their new homeland.

Evgeny Anisimov (St Petersburg, Russia) publishes a previously unknown marriage proposal for Empress Anna's niece, the future regent Anna Leopoldovna, to a German prince. The author attributes the authorship of this project to Count A. I. Osterman, vice-chancellor and cabinet minister, and dates it to the beginning of 1733. The published document and the analytical article preceding it introduce the reader to the history of one of the most acute political issues of the eighteenth century in Russia, the transition of power. They shed light on the dynastic and foreign policy guidelines and priorities in this period and significantly expand our understanding of the political activities of Osterman, one of the key figures of the Russian ruling elite in the late 1720s and the 1730s.

Catherine Gibson (Tartu, Estonia) publishes the correspondence of the outstanding statistician and ethnographer, academician P. I. Köppen with the Imperial Academy of Sciences in the 1840s, which reveals the "behind-the-scenes" preparations for the publication of his ethnographic atlas of Russia. Köppen's letters create a new perspective on the history of Russian cartography and reveal the difficulties that scientists faced in their work. The correspondence vividly characterizes the relations between the St Petersburg Academy of Sciences and the Russian Geographical Society, their attitude to cartography, Köppen's struggle to fund his cartographic projects, and the other material aspects of preparing an ethnographic map. The article pays special attention to how Köppen tried to fit his plans into a framework limited by circumstances and to coordinate his research interests with the goals of the scientific organisations with which he collaborated – a topic that seems acutely relevant for the current situation of scientists in Russia.

Let us, however, return now to the newly announced section, *Modi studiorum*. As was noted above, scientific research is impossible without method. This generally banal statement, however, has several constituents that encourage us to return again and again to the place of method in the process of scientific work. On the one hand, many researchers in the humanities are not inclined to overly reflect on this issue. This is probably no tragedy, so long as it does not degenerate into methodological sloppiness. On the other hand, we observe another extreme when method turns from a tool into an end in and of itself. Inebriation by method in this case leads to the loss of the very purpose of the research process. There are many examples of how authors manage to successfully avoid both extremes. Their methodology is open to the reader and perfectly articulated, making the mechanisms for achieving strong results clear (we leave aside such a fundamentally unverifiable thing as the author's talent). We offer to publish their works in a devoted section because they set a certain standard of research culture and demonstrate how it is possible to achieve a new level of knowledge even when working with well-known empirical material. Finally, focusing on such works, in our opinion, is also useful from the

point of view of intellectual exchange. Modern scholarship, with all its deep specialization, reveals another powerful trend – the desire for inter- and polydisciplinarity. Methods tested on one source set or in one research field may be suitable for another or give impetus to the creation of original technologies in related fields of knowledge. These considerations led to the appearance of this new section in *Quaestio Rossica*. Readers will judge how successfully this experiment will proceed and how adequate the editorial selection of articles for the section is.

An elegant combination of source studies and genealogical research is provided by *Oleg Khoruzhenko* (Moscow, Russia) through a comparative analysis of the genealogy of the princes of Tarus in the *Synodik*, a liturgical manuscript from the Moscow Cathedral of the Dormition with unique information from the fifteenth and sixteenth centuries. The author proves the reliability of this information, which prioritizes the *Synodik* as a historical source and serves as an important precedent when studying the evolution of Russian political elites in the late Middle Ages.

No less important and methodically profound is the work by *Andrey Belyakov* (Moscow, Russia), in which the author scrupulously reconstructs the diplomatic service of several generations of the Baymakov-Rezanov family on the basis of a comparative study of the contents of scribal and embassy books. Here, a seemingly private history of a single service family becomes of fundamental importance for understanding the organization and development of diplomatic service in Russia in the sixteenth and seventeenth centuries, its transformation from a family business into a public institution. In general, such studies contribute to a better understanding of a more general process – the evolution of the state from a feudal model of governance to a modern one.

At the centre of *Evgeny Vershinin's* (Nefteyugansk, Russia) and *Georgy Vizgalov's* (Surgut, Russia) attention is a unique find – a draft promissory note on a wooden plank discovered in Mangazeya during excavations in 2009. The thorough study of this source, undertaken at the intersection of a number of disciplines (archaeology, source studies, linguistics, history of law, the history of epigraphy, and diplomatic history), permits the authors to reconstruct socioeconomic relations among the Russian population of northern Siberia in the seventeenth century, to clarify retrospectively many important details of the drafting and legal status of private financial acts in medieval northwestern Russia (Novgorod and Pskov), and to establish the continuity of these practices in Russian Siberia in the seventeenth century.

Arthur Mustafin (Moscow, Russia), taking as his basis a deep source analysis of price dynamics and applying new methods of interpretation, revises the well-established history of the 'price revolution' that Russia supposedly experienced from the 1730s, similar to that in Europe. Undoubtedly, this article will not go unnoticed by specialists in the history of Russia in the seventeenth and eighteenth centuries.

The new section closes with an article by *Tatiana Bazarova* and *Aleksandra Chirkova* (St Petersburg, Russia) about the academic role

of N. P. Likhachev as a world-class expert on Russian manuscripts from the early modern period. The history of Likhachev's expertise (commissioned by one of Europe's largest antique dealers, the Charavay family) on a letter by Peter the Great to V. I. Gennin allows us to get an idea of the close connection between educated and wealthy circles in Europe interested in collecting historical autographs and the development of source studies (primarily in the field of palaeography) and the archaeographic analysis of historical sources.

An analytical review by *Anna Joukovskaia* (Paris, France) is close to the new section; it is only due to genre that we have assigned it to *Conceptus et conceptio*. Using an interdisciplinary historical and philological approach, the review looks at one of the fundamental problems in ancient Russian source studies – the origin of the short edition of the *Pravda Russkaia* – through reflections on the historiographical destiny of a book by A. P. Tolochko. The author wonders why a very provocative albeit undoubtedly professional monograph of a Ukrainian historian, questioning the authenticity of the manuscript, has never received an adequate reaction from the academic community. The essay gives a critical analysis of a few reviews and responses that have appeared while also offering as well conceptual conclusions, not so much on Tolochko's book as on the problems considered in the book.

Traditionally, our *Disputatio* section is quite diverse, being a platform for the presentation of research on a variety of topics. It opens with two articles analysing possible origins for the stereotypical identification of Russia with the image of a bear in the West. In the first, by *Mikhail Kozlov* (Sevastopol, Russia) and *Snezhana Shendrikova* (Yalta, Russia), based on written and archaeological sources, the authors argue for the relatively late (no earlier than the tenth century) formation of the mythological image of the bear among the Eastern Slavs; the article follows the further proliferation of this image in Russian folk culture from the seventeenth to the early twentieth centuries. *Liliya Stepanova* (Krasnodar, Russia), using quantitative methods, studies the *General Survey of the Russian Empire* at the turn of the nineteenth century in order to conclude that during this period the bear was by no means prevalent among the local fauna in large parts of the western provinces of Russia. Thus, the identification of Russia with the beast that gained popularity in Western political pamphlets of that time had no natural basis. *Vladimir Velikanov* (Moscow, Russia) looks at the struggle of the Cossack elites in Ukraine in the last third of the seventeenth century and the degree of Moscow's participation in such. He offers reasons for the removal of Hetman D. Ignatovich-Mnogogreshny and the election of Hetman I. Samoilovich. The article by *Dmitry Redin* (Yekaterinburg, Russia) is a semiotic reading of the architectural and spatial planning of Yekaterinburg in the first decade of its existence. According to the author, its builder, Major General V. I. Henning, was trying rather consciously to build a new factory-centered town as a symbol of the new, cameralist-based imperial policy of Peter the Great's Russia. Based on assessments of American diplomacy, *Artem Zorin* (Kirov, Russia) reconstructs the atmosphere of the struggle between the United States

and the USSR over spheres of influence in Central and Eastern Europe in the post-war period, using the example of the foreign policy of Czechoslovakia. A remarkably pertinent article by *Julia Kantor* (St Petersburg, Russia) studies the boiling atmosphere of the ‘Second Cold War’, convincingly revealing historical policy tools used in the countries of Eastern Europe to revise the memory of the Second World War.

Published here for the first time is an early eighteenth-century treatise on Boris Godunov, undoubtedly of academic interest for the study of the evolution of Russian historical thought (*Origines* section). The authors, *Vyacheslav Kozliakov* and *Alla Sevastyanova* (Ryazan, Russia), analyse the sources of this compilation, the place and circumstances of its appearance, and hypothesise about the possibility that its compiler was in the circle of persons affected by the Artemy Volynsky case. The issue concludes with a review of documents from the end of the seventeenth century from the ‘Russian’ funds of four branches of the State Archive of Austria – the Dynastic, the Court, and the State Archives of the Habsburgs: this review is by *Nikolai Baranov* and *Elena Manasyan* (Yekaterinburg, Russia). There is also a review by *James White* (Yekaterinburg, Russia) of F. Nikitin’s book about Colonel V. A. Pashkov, the founder of the Russian community of Evangelical Christians (*Controversiae et recensione*s section).

The editorial board hopes that despite all the differences in the methods, research strategies, and topics of the authors in this issue, all the published materials together will make a worthy contribution to understanding the motivations and meanings of the actions of the people of past eras. Isn’t that the purpose of history?

Andrei Keller

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Dmitry Redin

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

Translated by Anna Dergacheva

La méthode est nécessaire pour la recherche de la vérité.

René Descartes*.

В цитате из трактата Р. Декарта «Правила для руководства ума» в сжатой форме изложен алгоритм научного исследования: процесс, цель, инструмент. «Разыскание», то есть собственно исследование, направленное на достижение истины (или, скажем скромнее – то, что видится как истина), невозможно без метода – некоего способа, позволяющего приблизиться к поставленной цели.

Потревожить тень великого мыслителя и сформулировать заголовок, который выглядит претенциозным, если понимать его с буквальной серьезностью, побудило то, что в журнале появилась новая рубрика *Modi studiorum* («Способы исследования»). Всякая новация требует пояснения – отсюда и Декарт, отсюда и смещение смыслового центра привычной схемы представления номера, обычно выстраиваемой вокруг рубрики *Problema voluminis*. Но смещение центра не обязательно требует изменения последовательности изложения: в конце концов, «окружность – нигде, центр – повсюду» [Шоноу, с. 604]. Публикации в рубрике *Problema voluminis* посвящены проблеме, имеющей для русской истории особое значение, – различным аспектам русско-немецких отношений через судьбы диаспор: немецкой в имперский и постсоветский периоды, в современной объединенной Германии, и российской, той, что сформировалась в ГДР и чья жизнь прошла через испытания, связанные с распадом Восточного блока.

Начинает раздел статья *Андрея Келлера* (Екатеринбург, Россия). В ней представлено критическое переосмысление истории цехового ремесла XVIII – начала XX в. на примере разрешения конфликтов в среде немецких булочников Санкт-Петербурга 1830–1840-х гг. Анализируя механизмы конкуренции и решения конфликтных ситуаций, автор показывает, что не стоит преувеличивать роль цеховых конфликтов, являвшихся механизмом разрешения споров в сложной этноконфессиональной структуре петербургского ремесла. Процесс показывал не только интенсивную конкуренцию, но и витальность цехового ремесла, выражавшуюся в активной позиции мастеров при отстаивании своих интересов.

Рассматривая результаты государственного управления немецкими колониями в России во второй половине XIX в., *Галина Синько*, *Владимир Шайдуров* (Санкт-Петербург, Россия) и *Асият Гусейнова* (Махачкала, Россия) приходят к заключению о значительных переменах в статусе немецких колонистов. Сравнительный анализ положения юридического статуса поселенцев от «Устава о колониях» 1857 г. до «Правил об устройстве поселян-собственников» 1871 г. показыва-

¹ «Для разыскания истины вещей необходим метод» (Рене Декарт).

ет, как и по каким причинам российское правительство пошло на постепенную полную отмену эксклюзивных прав и привилегий этой категории немецких подданных короны.

В статье *Ольги Филиппенко* (Новосибирск, Россия) рассматривается проблема бегства депортированных российских и восточноевропейских немцев из советских спецпоселений в 1946–1955 гг. Автор считает, что после указа 26 ноября 1948 г. режим контроля и наказаний в случае побега ужесточился. Анализ трех ключевых компонентов побега – цели, средств и санкций – позволил автору более дифференцированно и взвешенно проанализировать данное поведение не как форму протеста, а как средство для потенциального улучшения положения в ссылке.

Майк Хоопс (Оснабрюк, Германия) и *Яннис Панайотидис* (Вена, Австрия) затрагивают тему амбивалентности существования второго поколения поздних переселенцев российско-немецкого происхождения в Германии и сложную ситуацию с их этноидентичностью. Авторы отмечают двойную эксклюзию, свойственную первому поколению репатриантов (из-за немецкого происхождения в России как «нерусских» и из-за русского в Германии как «не-немцев»). Второе поколение воспринимается окружающим обществом в целом уже как немцы, что не мешает последним демонстрировать некоторую позитивную самоидентификацию в качестве «русских».

Статья *Гуннара Торвальдсена* (Тромсё, Норвегия / Екатеринбург, Россия) посвящена судьбам более 140 тысяч человек, родившихся в семьях советских военнослужащих группы советских войск, дислоцированных в Восточной Германии после Второй мировой войны до 1994 г. и оказавшихся в России после вывода советских войск. В рамках проведенного исследования удалось установить территории концентрации рожденных в Германии россиян в начале XXI в., а также выяснить успешность адаптаций выходцев из Германии в России в отношении рынка труда и брачных связей. Их межкультурный опыт и образование, а также наличие социальных связей способствовали росту человеческого капитала на российских территориях их расселения.

С темой номера сближаются материалы из рубрики *Origines*. В опубликованных источниках главными действующими лицами оказываются отдельные представители немецкой нации, успешно интегрировавшиеся в политическую и интеллектуальную элиту Российской империи и сыгравшие выдающиеся роли на новой Родине. *Евгений Анисимов* (Санкт-Петербург, Россия) публикует ранее неизвестный проект замужества Анны Леопольдовны, племянницы русской императрицы Анны Иоанновны и будущей правительницы-регентши, с одним из германских принцев. Автор атрибутирует этот текст как принадлежащий вице-канцлеру и кабинет-министру гр. А. И. Остерману и датирует его по содержанию началом 1733 г. Публикуемый документ и предваряющая его аналитическая статья вводят читателя в историю транзита власти, острейшего политического вопроса XVIII в. в Рос-

сии. Они проливают свет на династические и внешнеполитические ориентиры и приоритеты русского двора указанного периода и существенно расширяют представления о политической деятельности гр. А. И. Остермана, одной из ключевых фигур правящей элиты России конца 1720-х – 1730-х гг.

Кэтрин Гибсон (Тарту, Эстония) публикацией переписки выдающегося статистика и этнографа академика П. И. Кёппена с Императорской академией наук в 1840-х гг. раскрывает «закулистье» подготовки им к изданию этнографического атласа России. Письма Кёппена задают новую перспективу в истории российской картографии и выявляют трудности, с которыми сталкивались ученые. Переписка ярко характеризует отношения между Петербургской академией наук и Русским географическим обществом по вопросам картографии, борьбу Кёппена за финансирование его картографических проектов и материальные аспекты подготовки этнографической карты. Особенное внимание уделено тому, как Кёппен пытался согласовать свои исследовательские интересы с целями научных организаций, с которыми он сотрудничал (остроактуальная тематика и для сегодняшнего положения российских ученых).

Вернемся к анонсированной новой рубрике *Modi studiorum*. В банальной очевидности, что научное исследование невозможно без метода, есть несколько обстоятельств, побуждающих вновь и вновь освещать значение метода в процессе научного труда. С одной стороны, есть немало исследователей-гуманитариев, которые не склонны излишне рефлексировать по этому поводу, что, вероятно, не является трагедией, пока не перерождается в методико-методологическую неряшливость. С другой стороны, есть вариант превращения метода из инструмента в самоцель. Упоение методом в таком случае приводит к утрате самой цели исследовательского процесса. Между тем, имеется множество примеров того, как авторам удается счастливо избежать обеих крайностей. Методика их исследования открыта для читателя, прекрасно артикулирована; при этом понятны механизмы достижения яркого научного результата. Их работы хочется выделить в особый ряд уже хотя бы потому, что они задают определенный стандарт исследовательской культуры и демонстрируют, каким образом возможно достичь нового уровня знания даже в случае работы с хорошо освоенным эмпирическим материалом. Акцентирование внимания на такого рода работах полезно и с точки зрения интеллектуального обмена. Современная наука при всей ее глубокой специализации обнаруживает и другой мощный тренд – стремление к меж- и полидисциплинарности. Методики, опробованные на одном материале или в одном из проблемных полей исследования, могут дать импульс к генерированию оригинальных научных технологий в других смежных областях знания. Этими соображениями и вызвано появление новой рубрики. Насколько удачен будет этот эксперимент, насколько адекватен редакционный отбор статей для рубрики, судить читателям.

Изыщное сочетание источниковедческого и генеалогического исследования являет собой статья *Олега Хоруженко* (Москва, Россия), посвященная компаративному анализу данных о родословии князей Тарусских в синодике Московского Успенского собора с уникальными сведениями из актовых материалов XV–XVI вв. Автор доказывает приоритет достоверности информации синодика, что важно для изучения эволюции состава русской политической элиты позднего Средневековья. Не менее актуальна методически отработанная статья *Андрея Белякова* (Москва, Россия), в которой на основе аналогичного компаративного исследования содержания писцовых и посольских книг скрупулезно реконструируется посольская служба нескольких поколений семьи Баймаковых-Резановых. Частный сюжет, связанный с историей отдельного служилого рода, приобретает принципиальное значение для понимания организации и развития дипломатической службы в России XVI–XVII вв., ее превращения из семейного дела в публичный институт. Такого рода исследования способствуют и пониманию более общего процесса – эволюции всего государства от вотчинной модели управления к современной.

В фокусе внимания [*Евгения Вершинина*] (Нефтеюганск, Россия) и *Георгия Визгалова* (Сургут, Россия) оказывается уникальная находка – черновая долговая расписка на дощечке, обнаруженная в культурном слое Мангазеи в ходе раскопок 2009 г. Исследование источника, проведенное на стыке ряда гуманитарных дисциплин – археологии, источниковедения, лингвистики, истории права, вспомогательных исторических дисциплин (эпиграфики и дипломатики), позволяет воссоздать картину социально-экономических отношений среди русского населения Северной Сибири в XVII в., ретроспективно прояснить многие важные детали процедуры заключения и юридического статуса частнопроводных финансовых актов, бытовавших в средневековой Северо-Западной Руси (Новгороде и Пскове), установить континуальность этих практик с позднейшими, бытовавшими в русской Сибири XVII в.

В статье *Артура Мустафина* (Москва, Россия) на основе глубокого источниковедческого анализа материалов, пригодных для корректных расчетов динамики цен и собственных методов их интерпретации, подвергается аргументированной ревизии устоявшаяся историографическая парадигма о революции цен, которую пережила Россия (особенно начиная с 1730-х гг.), аналогичной европейской. Несомненно, эта статья не пройдет незамеченной специалистами по истории России XVII–XVIII вв. Замыкает рубрику статья *Татьяны Базаровой и Александры Чирковой* (Санкт-Петербург, Россия) о деятельности Н. П. Лихачева как эксперта русских рукописей раннего Нового времени мирового класса. История проведенной им экспертизы одного из писем первого русского императора В. И. Геннину, сделанной по заказу крупнейшего в Европе антикварного дома семьи Шараве, позволяет получить представления о тесной связи запросов образованных и состоятельных кругов Европы на коллекционирова-

ние исторических автографов и развития методов источниковедческого (в первую очередь в области палеографии) и археографического анализа исторических источников.

Близким по направленности можно считать аналитический обзор *Анны Жуковской* (Париж, Франция), отнесенный в рубрику *Conceptus et conceptio*. Написанный в междисциплинарном историко-филологическом ключе, обзор актуализирует одну из фундаментальных проблем источниковедения Древней Руси – происхождения Краткой редакции Правды Русской через размышления над историографической судьбой книги А. П. Толочко на эту тему. Автор задается вопросом, отчего весьма провокативная и при этом профессионально написанная монография украинского историка, подвергающая сомнению аутентичность этого памятника, не получила заслуженной реакции в научной среде, и дает критический разбор появившихся рецензий и откликов. Кроме того, автор делает и собственные концептуальные выводы, уже не столько по книге Толочко, сколько по проблематике, которая в этой книге рассматривается.

Традиционно разнообразна рубрика *Disputatio*, являющаяся площадкой для презентации исследований на самые разные темы. Она открывается двумя статьями, анализирующими возможные истоки стереотипного отождествления России на Западе с образом медведя. В первой из них авторства *Михаила Козлова* (Севастополь, Россия) и *Снежаны Шендриковой* (Ялта, Россия) на основе письменных и археологических источников приводятся аргументы об относительно позднем (не ранее X в.) формировании мифологического образа медведя у восточных славян и о дальнейшей профанации этого образа в народной культуре русских XVII – начала XX в. *Лилия Степанова* (Краснодар, Россия), используя количественные методы в изучении материалов Генерального межевания Российской империи рубежа XVIII–XIX вв., приходит к выводу, что в этот период в значительной части западных губерний России медведь не являлся преобладающим видом местной фауны и, таким образом, отождествление России с ним, получившее популярность в западных политических памфлетах этого времени, не имело естественных оснований. К перипетиям борьбы казачьих элит Украины последней трети XVII в. и степени участия в них Москвы отсылает работа *Владимира Великанова* (Москва, Россия), в которой раскрываются внутренние причины смещения гетмана Д. Игнатовича-Многогрешного и избрание гетманом И. Самойловича. В статье *Дмитрия Редина* (Екатеринбург, Россия) осуществлен опыт семиотического прочтения архитектурно-пространственной планировки и особенностей застройки Екатеринбурга в первое десятилетие его существования. Строитель города генерал-майор В. И. Геннин осознанно возводил город-завод как символ новой, камералистской в своей основе имперской политики петровской России. *Артем Зорин* (Киров, Россия) на основе оценок американской дипломатии воссоздает атмосферу борьбы

США и СССР за раздел сферы влияния в Центральной и Восточной Европе в послевоенный период на примере эволюции внешнеполитической ориентации Чехословакии. Вызреванию атмосферы «второй холодной войны» посвящена остроактуальная статья *Юлии Кантор* (Санкт-Петербург, Россия), раскрывающая набор инструментов исторической политики, проводимой в странах Восточной Европы и направленной на ревизию памяти о Второй мировой войне.

Эволюция отечественной исторической мысли представлена во впервые публикуемом сочинении о Борисе Годунове первой трети XVIII в. *Вячеслав Козляков* и *Алла Севастьянова* (Рязань, Россия) анализируют источники этой компиляции, место и обстоятельства ее появления, делают предположение о возможной причастности ее составителя к кругу лиц, пострадавших по делу Артемия Волынского (рубрика *Origines*). Завершают номер обзор документов конца XVII в. из «русских» фондов четырех отделений Государственного архива Австрии – Династического, придворного и государственного архива Габсбургов, принадлежащий перу *Николая Баранова* и *Елены Манасян* (Екатеринбург, Россия), и рецензия *Джеймса Уайта* (Екатеринбург, Россия) на книгу Ф. Никитина о полковнике В. А. Пашкове – основателе российской общины евангельских христиан (рубрика *Controversiae et recensiones*).

Редколлегия надеется, что благодаря разнице в методах, исследовательских стратегиях и тематике опубликованные материалы внесут свой достойный вклад в наше понимание мотиваций и смыслов поступков людей прошедших эпох. Не в этом ли назначение истории?

Андрей Келлер

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Дмитрий Редин

Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

Список литературы

Шоню П. Цивилизация классической Европы / пер. с фр. и послесл. В. А. Бабинцева. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 608 с.

References

Chaunu, P. (2005). Tsivilizatsiya klassicheskoi Evropy [The Civilisation of Classical Europe] / transl. by V. A. Babintsev. Yekaterinburg, U-Faktoriya. 608 p.